

медии Ф.Прокоповича «Владимир») и героическая поэма, ставшие самыми типичными жанрами в эпоху классицизма. Эту теорию развивает Г.Н.Моисеева, однако, В.И.Федоров не до конца соглашается с такой трактовкой, называя «трагедокомедию» барочным жанровым образованием. В-четвертых, предклассицизм – это своеобразный «мост» между литературой Древней Руси и новой русской литературой. Еще в начале 1970-х гг. эту идею развивала Г.Н.Моисеева, а позднее такой же точки зрения придерживался В.И.Федоров. И наконец, именно в эпоху предклассицизма появляются предпосылки теории классицизма, в частности Ф.Прокопович развивал теорию подражания и вымысла, писал о гражданской значимости поэзии.

### **Литература**

1. *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980.
2. *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. – Л., 1971.
3. *Моисеева Г.Н.* М.В.Ломоносов и русская литература // *Русская литература*. – 1986. – № 4. – С. 25–34.
4. Сборник ответов на вопросы по литературоведению [Ред.коллегия: Н.К.Гудзий и др.] – М., 1958.
5. *Смирнов А.А.* К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии: Ф.Прокопович и Ю.Ц.Скалигер // *Проблемы теории и истории литературы: Сб.статей, посвященный памяти профессора А.Н.Соколова.* – М., 1971. – С. 67–73.
6. *Смирнов А.А.* Литературная теория русского классицизма. – М., 1981.
7. *Смирнов А.А.* Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // *Филологические науки.* – 1967. – № 6. – С. 16–28.
8. *Федоров В.И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. – М., 1979.
9. *Федоров В.И.* История русской литературы: XVIII век. – М., 2003.

***А.В.Софьина***

*Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет*

### **Традиции мемуарно-автобиографической прозы XVIII века в мемуарах М.В.Волошиной-Сабашниковой «Зеленая змея»**

В России мемуарно-автобиографическая литература начинает складываться с XVIII века, и уже к середине столетия в культуре утверждаются два основных пути самоопределения личности: один из них ориен-

тирован на традиционный, житийный тип поведения, второй – направлен «на практическую сторону служения государству» [Мамаева 2008: 48]. Однако, по мнению О.В. Мамаевой, «все это может рассматриваться безоговорочно только относительно собственно «мужской» культуры» [Мамаева 2008: 48].

Тем не менее, к середине XVIII века становится очевидным появление в русской словесности и культуре такого феномена, как женская мемуарно-автобиографическая литература. На основе предшествующих и современных традиций в ней формируются две модели саморепрезентации женской личности. Одна модель может быть обозначена как агиографическая, выработанная на базе основных законов житийной литературы и создающая образ героини-праведницы, другая – светская, выросшая из формировавшейся культуры Нового времени, и наряду с ней так называемая «дворцовая».

Однако, несмотря на выработку моделей авторского Я, женская мемуаристика еще долгое время находилась на периферии литературы. Во многом это связано с тем, что господствующие в то время в обществе стереотипы предоставляли мужчине право заниматься литературной деятельностью. Женщине «сочинительство» дозволялось лишь в том случае, если тематика произведений ограничивалась сферой любовно-семейных отношений, а сами тексты не имели выхода в публичное пространство. Во многом именно поэтому русские женские мемуары и автобиографии на данный момент изучены мало и практически не известны широкому кругу читателей, в то время как они могли бы стать настоящим открытием в познании русской личности, русской культуры и литературы.

Забытыми оказались произведения не только представительниц XVIII века, но и писательниц последующих эпох, к которым относится и М.В. Волошина-Сабашникова и ее мемуары «Зеленая змея». Сабашникова была образованным и начитанным человеком, хорошо знакомым с русской литературой. Так, нам известно, что в процессе работы над повестью «Святой Серафим» она обращалась к житийным текстам.

Возможно, именно эта работа в совокупности с религиозностью самого автора повлияла на преобладание в мемуарах «Зеленая змея» агиографической модели саморепрезентации и самоинтерпретации личности.

Отметим, что у истоков этой части женской автобиографической литературы, созданной в контексте житийной традиции, стоят «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой», написанные через девять лет после того, как она приняла монашеский постриг. В целом следование агиографической модели самоописания было характерно для

мемуарных текстов насельниц монастырей. Несколько столетий спустя Маргарита Сабашникова, человек абсолютно светский, хоть и глубоко верующий, также стремится в мемуарах осмыслить свой индивидуальный путь к Христу, к духовному миру, описать различные его этапы, связанные с ситуациями искушения, отречения, духовного прозрения и пр.

Это стремление заложено уже в названии, которое, однако, несет на себе отпечаток эпохи Серебряного века и символистского движения, к эпицентру которого Сабашникова находилась в непосредственной близости. Символом Змеи, земного Я, идущего через опыты земной жизни, писательница обозначает свой духовный путь.

Символическое название книги контрастирует с предисловием, в котором Сабашникова обращается к агиографической модели повествования и негласно поддерживает традиции автобиографической литературы XVIII века, а именно: необходимость во внешнем побуждении к написанию воспоминаний и, если мемуарист – женщина, расчет на внутрисемейное пользование и отсутствие нацеленности на публикацию мемуаров. Читаем у Сабашниковой: «Начав записывать *по настоянию друзей* (здесь и далее курсив наш – А.С.) историю моей жизни, я поняла, что жизнь эта является симптоматичной для той грандиозной смены веков, на которую она пришлась. <...> Поэтому я полагаю, что рассказ этот, *не предназначавшийся ранее для публикации*, мог бы иметь общий интерес» [Сабашникова 1993: 16].

Сомнение автора в значимости и увлекательности своего повествования, перешедшее в автобиографическую литературу XVIII века из древнерусских текстов, у Сабашниковой выражено глаголом с оттенком неуверенности «*полагаю*» и сослагательным наклонением «*мог бы*».

Мемуаристка начинает свой рассказ с детских воспоминаний. Мы выделим лишь те из них, которые наиболее ярко иллюстрируют основные законы построения агиографической модели саморепрезентации личности.

Умышленно или нет, но едва ли не с первых строк Сабашникова то ли хочет подчеркнуть стремление с самого детства проникнуть в тайны духовной жизни, то ли намекает на свою избранность.

Во-первых, уже момент ее рождения отмечен особым знаком: «Я родилась в воскресенье в полдень, как раз в тот момент, когда колокола нашей старой церкви, в сопровождении колоколов сорока сороков московских церквей, оповещали об окончании обедни» [Сабашникова 1993: 19].

Во-вторых, ей снятся необычные для ребенка дошкольного возраста сны: «я увидела, как вдоль Никитской медленно летел ангел в красном

одеянии с развевающимся за ним голубым плащом. Я закричала другим, чтобы они тоже посмотрели на него, но, когда они пришли, он уже улетел» [Сабашникова 1993: 22].

Сабашникова сама признается, что ее жизнь с детских лет «была пронизана религиозным ощущением»: она была уверена, что все, что она «думала, чувствовала и делала, было известно Богу и его ангелам» [Сабашникова 1993: 41].

Однако были в ее жизни и ситуации своеобразного отречения, за которым следовало духовное прозрение. Лет в одиннадцать Сабашникова начала сомневаться в необходимости церкви. По ночам она писала своего рода исповедь и составляла свои «Тезисы»: «Церковь не нужна. Вся природа есть божий храм, а естествознание – божественная служба. Нет надобности в священниках, так как перед Богом все равны. Не нужно молитв, так как каждый должен говорить с Богом на своем языке <...>» [Сабашникова 1993: 51]. Но однажды мама рассказала ей об уроке в народной школе, на котором учительница объясняла детям молитву «Отче наш». Сабашникова пишет об этом моменте: «Тут пролился свет для меня на суть этой молитвы и молитвы вообще, а также и на суть церкви, являющейся не только физическим зданием, но и невидимым зданием, созданным душами на небе и на земле. Я поднялась наверх в свою комнату и торжественно сожгла в печке свои “Тезисы”» [Сабашникова 1993: 51].

Детство мемуаристки – особый этап, являющийся лишь подступом к истокам, к тому духовному пути, на который Сабашникова встанет впоследствии благодаря религиозно-мистическому учению австрийского философа Рудольфа Штайнера. Столь необычный проводник на этом пути обусловлен влиянием культуры Серебряного века, которая оказала воздействие на формирование мировоззрения мемуаристки.

После множества сомнений, бунтов, искушений, Сабашникова все же обретает желаемое: «Он [Штайнер] говорил о событии на Голгофе как о центральном, уникальном событии мировой истории. Именно с помощью науки о духовной жизни можно правильно понять Библию и тщательно взвесить каждое из ее слов. Услышав эти слова, я поняла, что нашла то, что искала: новый, осознанный, свободный путь к живому Христу» [Сабашникова 1993: 112].

Такова линия, созданная по законам агиографии. Однако в мемуарах Сабашниковой мы можем наблюдать и отголоски светской модели саморепрезентации. Для мемуаристки важным было стремление своим искусством служить народу, живописью служить человечеству. К сожалению, модель эта осуществлена не полностью.

Совершенно очевидно в мемуарах «Зеленая змея» прослеживается традиция так называемой «дворцовой мемуаристики», главную особенность которой Г.Г.Елизаветина обозначила как «смещение значительного и мелкого» [Елизаветина 1982: 44]. Например, описание торжественной церковной службы соседствует с подробным изложением причин, помешавших семье в назначенное время выехать за границу.

Учитывая «волнообразное развитие женской литературы» [Мамаева 2008: 34] и расстояние в несколько столетий, говорить о преемственности в отношении мемуаров М.Сабашниковой несколько трудно. Тем не менее, приведенные нами лишь некоторые примеры позволяют заявлять о знакомстве мемуаристики с агиографической моделью саморепрезентации и даже о попытке создать образ идеальной героини-праведницы. Несмотря на следование основным положениям житийной традиции, мы можем утверждать, что она реализована не в полной мере. В модели Сабашниковой отсутствует едва ли не главная составляющая: образ женщины-жены, женщины-матери. Именно поэтому сочетание агиографической и светской моделей, присутствующие в мемуарах «Зеленая змея» в совокупности не дают образ универсальной женской личности. Мы предполагаем, что на трансформацию традиций мемуарно-автобиографической литературы XVIII века в мемуарах М.Сабашниковой повлияла культура Серебряного века.

### Литература

1. *Волошина-Сабашникова М.В.* Зеленая змея. – СПб., 1993.
2. *Елизаветина Г.Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. – М., 1982. – С. 235–263.
3. *Мамаева О.В.* Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII – начала XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.